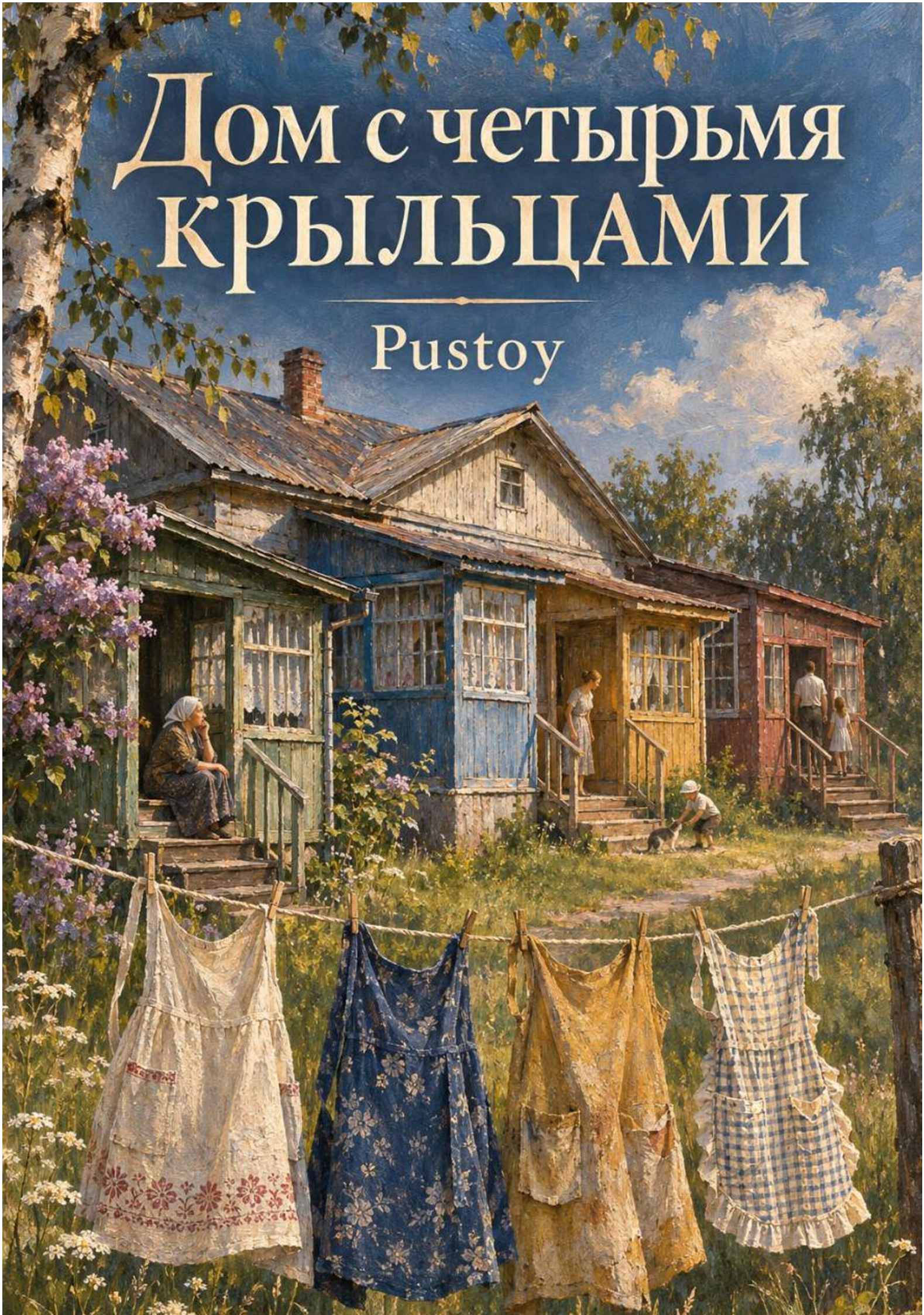
Дом с четырьмя крыльцами

Pustoy



Pustoy

Дом с четырьмя крыльцами

«Автор»
2026

Pustoy

Дом с четырьмя крыльцами / Pustoy — «Автор», 2026

В 1957 году четыре сестры переезжают в дом, который отец привёз из деревни по брёвнышку. У дома пока одно крыльцо. Второе пристроят для Веры, чтобы она не будила дочку после ночной смены в кино. За третьим Лиза и Тася поделят один рабочий стол, к четвёртому потянутся покупатели Зоиных обедов. Пройдут годы, у сестёр вырастут дети, а у детей — свои дети. И однажды за кухонным столом выяснится, что отец успел каждой пообещать один и тот же дом. Как поделить его честно, если никто из четверых не считает свой труд и свою любовь на деньги?Текст романа и иллюстрация обложки созданы с помощью искусственного интеллекта.

© Pustoy, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Лошадь без одной ноги 6
Глава 2. Ковш на двенадцать порций 10
Глава 3. Как слышно из пятого ряда 13
Глава 4. Дверь для ночной смены 17
Глава 5. Три рубля свои 20
Глава 6. Красная рейсшина 23
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Pustoy
Дом с четырьмя крыльцами

Pustoy
Дом с четырьмя крыльцами

Глава 1. Лошадь без одной ноги

К обеду у Веры было два дома и ни одной уборной. Надо было перестать изображать сознательную старшую сестру, подхватить Таську под мышки и бежать в лопухи. Но как сказать посреди мужского спора: товарищи плотники, погодите минутку, у нас тут маленькая девочка? Маленькая девочка сама превосходно умела вытерпеть паузу между взрослыми голосами и сказать:

— Вер, если сейчас не пойдём, у меня прямо на крыльце будет.

Вера взяла её за руку. Крыльцо было отдельно от дома. Новые хозяева погрузили его в Берёзовом Враге на крайнюю машину, уложили ступеньками к кабине, чтобы ни один старый гвоздь не сквозил у шофёра возле шеи. Привезли в Волошино до того, как успели вытесать последние брёвна, и поставили сбоку. Если встать на третью ступень, то сколько угодно можно глядеть прямо в чистое небо там, где полагается быть двери. С одной стороны сверху висела вырезанная из дюймовки лошадь. Из положенных четырёх ног у неё оставались три; четвёртую когда-то отломил ещё Верин дед Марк, когда, будучи хорошо выпивши, вздумал примерить ей хомут.

— Вы чего глядите? — спросила Таська.

Смотрели на неё из своих огородов волошинские бабы. Стояли по одной, по две, в платках, повязанных над переносицей. В Берёзовом Враге платки носили иначе. Чужие бабы после любого ничем не примечательного детского замечания краснеют так, словно те только что сели на свежепокрашенный стул. Вера ещё с утра заметила: руки у всех усталые, а лица любопытные. Вот после тараканов и прочих забот у людей ещё есть силы на соседей. Это, наверное, хорошо. В чужие руки им, однако, с первого же утра отдаваться не хотелось. Она провела сестру за сноп прошлогодней трапезной соломы, отвернулась на приличное расстояние, пока было нужно, и отдала свой носовой платок вместе с таким уверенным «всё сойдёт», что Тася тут же воспряла.

— А у нас тут будет в доме, как у людей? С дырой?

— Будет. Кое-кто ещё горшок навстречу дому везёт, выжидай у ворот.

— Я уже большая, мне горшок не нужен.

— А меня в твоём возрасте им из-под печи подманивали.

Этим летом, в пятьдесят седьмом, шесть лет Тасе исполнилось после первой клубники. Она привыкла мерить возраст по ягодам. У старшей Веры день рождения был на крупном сладком сортовом горохе, у Зои — на зелёной репе, а у Лизы, родившейся в декабре, когда всё настоящее и сладкое кончилось, оставались только мочёные яблоки, отчего родные отчасти считали её самого терпеливого на свете нрава. Сама Лиза в это не верила, но брала яблоко и шла с ним подальше в сени. Вот и теперь ни её, ни Зои не видно. Остались на дальнем конце у просёлка, где к отцовской телеге привязаны корыто и настоящий большой двойной матрац, пока ту не украли любители чужих постелей.

— Верочка, Вера, — позвал отец.

Он стоял на бревне. Вера даже с расстояния в семьдесят шагов различала, как у него неверно согнута нога. Не в том месте сустав, где человеческий на ходу уходит назад, а чуть выше, точно там у него вторая и совершенно лишняя малая коленка. Есть в каждой семье вещи, про которые никому не запрещали спрашивать, а она не спросила ни разу. В институте или даже в техникуме таким о своих полагается знать, имени командира и названия поля дети зачастую не помнят, зато досыта знают, что если отцу поднять с земли мешок картошки, то ему поддёрнут под руку с правой стороны и не станут с другой. Вера подчинилась давнему, ещё от матери полученному порядку, вошла отцу под локоть, вместо того чтобы дать ему руку.

— Сойдёшь, — сказала.

— Я тебя не за этим кликал.

Он сунул ей сложенный вчетверо бланк. Вера одна в семье окончила десять классов и легко разбирала чужие почерки. Отцу для этого нужны были очки. Зато он, проведя ладонью по старому бревну, сразу говорил, куда его можно ставить, а где насквозь проест сырость.

«Принято семь венцов. Пятый и шестой ряд. Разборщики Замшин М. И., Ларионов А. В. Сдал. Принял. Претензий не имею». Внизу было вписано: «Дом поставлен по разметке». Вера глянула на дом. Никакого дома тут, собственно, ещё не существовало. Четыре длинных ряда, над дверью сквозняк, по полу можно с поля в огород пройти обратно, не споткнувшись. Плотник, которого позвали на два дня затем, чтобы он распределял старые брёвна по условным номерам, погонял свою папиросу из одной стороны губ в другую, да поспевал держать в крошечном мясистом ухе огрызок анилинового карандаша. Двух работавших рядом молодых парней уже ставили на осенние наряды, потому что летом подённые плотники нигде не задерживаются; сегодня здесь брёвна, завтра пристань новые ящики срочно заказывает. Добиваться более круглого сруба в хорошем случае им положено только до вечера либо до той минуты, когда получат бумагу.

— Здесь что? — спросил отец.

— Всё по разметке, пишут.

— А если не всё?

— Тогда им написать, что ещё не всё. Сколько они, по-твоему, наваляли?

— Три верных. Четвёртое бревно у них по пазу то справа, то сзади. Вера, скажи, что мы до счастливой готовности ещё их ждём.

Отец шептал, едва размыкая губы. Перед тем как просить человека о неприятном, он иногда совсем не мог произнести одного нужного человеческого имени, и легче всего оказывалось позвать дочь. А самой ей, этой умнице в красной рубашке, который уж год полагалось быть в городе, изучать всякие умные порядки крепления лампы в большом киноаппарате. Заезжий механик, показывавший им осенью восстановленный фильм для старших, позволил ей подержать на весу короб с плёнкой, пока сам примерял в обгоревшем гнезде новую шейку. Больше никаких особых прав давать оценки чужому труду у неё не возникло. Только любопытство было, желание увидеть, как складывается одно из другого. И к тому же в заднем кармане брюк лежал красный отцовский складной метр.

— Тут избы ещё как будто не получилось, — сказала она.

— Из какой-то бабы в штанишках и впрямь хорошей сваи не поставить, — легко откликнулся один из молодых.

Ей не захотелось сказать что-нибудь про собственный возраст или про то, что они теперь в другое время готовятся справлять свою первую летнюю грозу под собственной крышей. Перед тем, кто зовёт тебя бабой в штанишках, собственной гордостью уже достаточно накрутили все взрослые женщины, которые готовы тут стоять до вечера вместо тебя. Вера взяла с бревна длинную щепку, пропихнула в шов. Щепка вошла с правого края на три пальца, с левого на добрую четверть локтя.

— Здесь будет окно, верно? — спросила.

— Здесь самая глухая дворовая стена, — сказал отец. Ей было достаточно, что он вслух произнёс хоть три нужных слова. Остальные тоже услыхали.

— Вот когда будет три полных этаких стены, у меня мама останется зимой без правой половины двора. Здесь сквозить будет.

Рабочий с синим карандашом из-за уха осторожно вытащил его, положил на паз.

— Семён, ты чего молчишь-то? Видишь, я ли твой первый бревенчатый ряд ставлю? Сорокин дом был мой, Кутов из бывшего лазарета канцелярского помещение, это я построил. Стоит? Стоит! Ты сам вон фланелевую свою душу за нас туда не гоняй, если тебе чего, скажи мне в глаза.

— М-мих… — Отец выдавил воздух. Сделал вдох. Потом вместо имени взял и засмеялся. Не весело, вполне нарочно, но всякому стало понятно. — Замшину за веранду в Сорокином доме досталось от жены кочергой, Иваныч. Как раз нынче ставил мне в клубе это место напоказ. Сюда воду пустит.

— Четвёртое сперва подержать дай.

Они приподняли бревно. На нижней стороне проступила перевёрнутая четвёрка. Парням пришлось нести его обратно к телеге и выбирать нужное, с наружной стены. Через полчаса Вера снова услышала знакомое постукивание отцовского долота. Он работал, и она ему помогла.

Старая соседка в мужских сапогах и в косо застёгнутой клетчатой кофте прошла к ним по межевому камню. Бабам на соседских огородах первым делом показала спину, за что её Вера немного зауважала. Следом одним пальцем потыкала в край доски, где кончается её земля и начинается их занятый отцами пустырь, и посмотрела на Веру.

— Ты любишь сушки?

— Люблю.

— Я тоже. Мне доктор велел сахар не есть, а я всё вперёд сушки сосу. Зубы поизносились. Придёшь как-нибудь после, чаю попьём. А вот это мамке.

Старуха положила ей на ладонь тетрадный лист. Сверху крупно «Аглая Носова», ниже «Семья Демидовых», ещё ниже «шесть венцов нижних». Брёвна эти не стоили огромных капиталов, которыми когда-то оборачивалось всё отцовское прошлое, пока деревня не сменила берег и в старом саду их в последний раз оставили засохнуть смородиновые черенки. Недорого стоит новый дом тому, кто может оплатить его сразу, и дорого тому, кто до следующей выдачи считает по отдельности рабочие дни и всё, что в этот промежуток обязано приходить под крышу и к столу. Своих денег на нижние шесть венцов, сгнившие в старом доме, у Демидовых не было. Глаша Носова одолжила. Сговорились ещё в мае, а бумажку при семье дают только сейчас. На бумажке, помимо всего прочего, имелась нарисованная в левом верхнем углу круглая свинья с вислыми ушами.

— Это я рисовала, — сказала старуха. — Я за свою подпись обычно внизу такую свинку оставляю, хорошее животное, всё переварит. Прасковья твоя знает. Не печальтесь, у меня спешки нет, но к осени какую-то часть неплохо бы получить. К Наталье в Пермь ехать собираюсь, а я с пустыми руками не привыкла.

— Вы мне скажите, сколько к осени.

— Ты большая у них?

— Мне двадцать.

— А спросишь мать? Сколько она захочет, столько и будет. Ты сама деньгами занимаешься, что ли?

Вера чуть было не согласилась. Мать не любила возиться с квитанциями, отец тоже охотно передоверял ей всякую писанину. Легко стать старшей в семье, если меньше всех боишься чужого почерка.

— Нет, — сказала Вера. — Но передам.

К вечеру пришли мать с девчонками. Тяжёлая спинка от кровати пропилила у Прасковьи Андреевны ворот кофты. Зоя уронила один конец его на последнее въездное место прямо напротив крыльца и встала, дыша ртом, с таким аккуратно посиневшим вокруг губ лицом, что её тут же усадили на край матраца. Лиза тащила в корзине кружки и кухонные мерки, которые у неё всю дорогу позванивали, как музыкальная игрушка. Она разок специально встряхнула. Тася выползла из-под крыльца и, потеряв страх перед своим большим возрастом, тут же показала, чем успела за день испачкать голые коленки. Мать, как стояла спиной к оставшимся работать мужчинам, широко раскинула руки. Перед ней от завтрашнего нового жилья торчали четыре неполных стены и немало оставалось ещё пустого воздуха. На старой степенной резной лошади висели во всех видимых направлениях мокрые полотенца. По каждому суждено

по одной какой-нибудь у себя дома выученной подписи. Зоя, Вера, Лиза, Таисия. Кто к своей ткани притронется чисто умытым лицом, тот, верно, уже больше не гость.

— Кто мне место на ночь покажет? — спросила Прасковья. — А то с дороги стою, как худая кобыла под нашей лошадью.

Провели к Глаше. Она уже вытерла подоконник влажной газетой, постелила девочкам на лавках, достала к чаю сушки. Только когда все улеглись и Лиза заснула, положив ладонь на ухо, Вера вытащила из дорожной сумки вторую свою бумажку. В августе при киноустановке в райцентре открывали набор. Оставалось шесть недель.

Глава 2. Ковш на двенадцать порций

Самой неприятной подробностью чужой смерти Зоя считала ложки. И после свадьбы приходилось искать забытое блюдо или счистить с ножа засохшее повидло. Но после поминок никто не решался спросить, куда делись двенадцать алюминиевых ложек, взятых в столовой под расписку. Прасковья смущалась, особенно при ещё не ушедших гостях. Зоя тоже смущалась, но спрашивала.

— Вы, тетя Марья, свою домой не прихватили?

— А что мне её одной нести?

— Потому и спрашиваю. Если у вас уж две, передайте из сумки обе, я возьму и отмою. У нас двенадцать не набралось.

На крыльце сидела Глаша Носова. Поминали её старшего брата. Осенью Глаша собралась было к нему, потом потратила деньги на поездку к Наташе. Всё думала: до брата двести вёрст, ещё успею. За окнами столовой звякали тарелки. Уходившие гости желали Глаше сил.

Со времени переезда в Волошине успела пройти вторая зима. Столовой тем летом отвели ещё одну комнату в правой половине бывшей диспетчерской. Первая комната прогревалась к часу дня так, что на столе без плиты становились пахучими мамины любимые щи. Во второй почти всегда держалось полумрачно. Туда приходили в основном одни и те же мужчины. Они уставали от заводских гудков, глухо смеющихся над хозяйственным шумом мальчишек и огромного, сразу видного с порога окна в Волошине. Нравилось, как чуть-чуть разносится по помещению кислый запах кислой капусты, как ложка ударяет редким, прерывистым своим боком о белую глубокую тарелку, как двое уже очередных, ещё совершенно живых работников погрузочной ссорятся о домино и используют мелкие квадратные подставки от стаканов, когда из коробки на прошлой неделе кто-то украл желудёвую костяшку шесть-шесть.

Способности Зои соседи обнаружили раньше неё самой. Она могла ложкой вынуть из солёного огурца все семена, а на тарелке он оставался цел и годился в украшение. Если на кухне пропадала целая банка сметаны, она знала, кого спрашивать, и знала, что незачем спрашивать при людях.

— Тут вот, — сказала Глаша у крыльца.

В кружевных перчатках Глаша держала две алюминиевые ложки. Зоя присела рядом, присмотрелась. Ложки столовские, сомнений быть не могло. Глаша зажала их в ладони.

— Вы их выкупить хотите?

— Брат у меня на работу носил ложечку с таким вот концом, — сказала Глаша. — У тебя если две пропадут, унесёшь остальное матери и покроете меня. У нас с вашей семьёй счёты старые, не считая самодельного дома. Ты, кстати, его себе теперь, как сказано, принимаешь, в приданое или так по берестяной памятке?

— Я про дом ещё не успевала задумываться, — сказала Зоя. — Я по отношению к дому собиралась купить мокрый половик с вышитыми подсолнухами, стоит в нашем отделе у входа. Но его надо со стены всё время снимать, Таськины ступни там потеют, так я раздумала. Эти ложки из конторы, мне надо их собрать. Давайте я вам другие, вон те две тёмные со стола. Я сама полировала перед гостями.

— Одна нужна, милая. У них три насечки буквой, это Сенька над моей ложкой в лагере до войны смеялся и поддразнивал. Я сама на неё такую букву ему сделала.

На правой ручке под толстенькой грязной выбоинкой обнаружились три линии в косом направлении, двух не хватало. Имя «СИМА», которое родные в молодые годы с шуточным умыслом дали здоровенному мальчишке Серафиму, в столовой почти все приняли за чью-то случайно попавшую на обратной стороне женскую подпись. Зоя через минуту нашла в груде обшарпанных ручек подходящую, вернула Глаше. Одну. Две унесла бы в табель; или положила

бы в траву на его могиле, потом несчётными весенними днями приходила бы из дому к другим знакомым людям и спрашивала: «А вы знали, что человек семьдесят пудов на себе вывозил в большую нашу последнюю оттепель?» Странное дело, наша поверливая готовность сказать кому-нибудь: мне вашему решению ничто не подкладывать. Ей хотелось разом и пойти дальше, и остаться с Глашей возле крыльца на целых десять минут, чтобы ни одна из них с трудом обретённой ложки из рук покуда не отпускала.

— Глаз у тебя хозяйский, — сказала та. — Может, тебе нынче русскую тень всего этого нашего добра и определят за мамино внимание? На кухне с одиннадцати лет по шесть больших кастрюль вволю от моей пересыпала.

— Какой же у меня глаз, — сказала Зоя. — Кому сыплю, тому и насыплю.

Зимой в столовую стал ходить лбовой Борис Глинский. Лбовым его здесь сразу прозвали вечерние едоки, поскольку в никому не известный родной стране год он, уже заведуя клубной кинопередвижкой и несколькими милыми гармонями, набил о дубовый порожек прямо над левой бровью наподобие утиного яйца довольно крупную шишку. Дождь на улице шёл крепкий, буксовый цветочный тротуар, новый к теперешнему совету маляров, упрямо держал на гладком бревне жижу после двух недель подряд. Боря пришёл зимой. Ещё до расколотого лба в столовой прославился по другой совершенно причине. Платить ему досталось из казённого клуба за три месяца сразу, он обмывал получение с первым попавшимся человеком и каждому, кто был поучтивее в разговоре, давал сдачу только трёшками, независимо от того, нужно ему было получить семь копеек или полсотни. Называли «человек без содержания». Зоя сперва тоже поверила, однажды спросила:

— Борис, вы из тех, кто живёт беспризорно? Надеть всё время никто не покамест узелок с бельём вам принесёт?

— Я у сестры живу. Там когда с кухни на пол приходят коты, постель можно сложить в одну стопку из трёх полных частей, с подушкой наверх. А про одежду что вам не нравится?

— Это ваши носки, по-моему, на крыльце под перилами. Тасю завораживают. Она просит ей такую же полосу пришить у высотной шапочки.

— Выходит, ветром с верёвки унесло. Хорошо хоть до вашего дома только, а не до Волги, а то сперва речник объявится с моим носком и потребует на нём жениться. Может статься, вам ни разу в жизни ещё никакой мужчина на хорошем свежем мартовском воздухе не предлагал сходить к круглому пруду и потратить там всё, что у обоих есть?

— На что?

— На две кружки пива и три песни по желанию. Их по субботам выводит прекрасный человек с тремя губами, двумя человечьими и одной той, за которую денег берёт, потому что гармонишь. Согласны?

— Нет, сегодня нужно после столовой домой и лечь, — сказала Зоя.

— Завтра-то, конечно, надо встать. Беда у вас с домашним порядком. Если захотите в самом деле, сами уж позовите.

Борис и вправду занимался в клубе прожекторами и обещал показать Вере, как выправить покосившийся экран. Зое до отчаяния хотелось хоть иногда слушать его разговоры без старшей сестры. Можно было бы, например, пойти с ним к пруду.

Поминальный ужин наконец окончился. Принесли хлеба с прошлой недели, которую всей столовой сегодня стоило держать после ванильного теста на такой сушёной, невкусной диете. В двор дома Глаши через межевой камень вышел сам Семён Маркович. Одежду надел праздничную, жилет и тёмную рубаху с затвердевшей из-за мыла широкой планкой на груди. Шёл со своей палкой, в этом году ступал покосее, чем прежде. Под мышкой у него был ящик. На дне в холстине лежали два десятка деревянных ложек. Не все семь или восемь раз обожатые — кухонный мастер посчитал бы смешным набивать простую глубокую чашу таким количеством украшений, когда она служит супу. Вот они были просто вырезаны так хорошо и так по

отдельности закончены над выструганной дощечкой, что Зоя сразу увидела, какая из них предназначалась Прасковье. На краю маленький выпуклый толчок под большим пальцем. Матери трудно было с зимы держать тонкое тесало за голую ножку, палец словно никогда не согревался по-настоящему. Отец запомнил и вырезал место, которое примет её большую подушку, тяжелее и чуть пошире, чем полагается остальным.

— Для твоей столовой, — сказал. — Которые захотите отдать тем, у кого пропадёт, отдайте сами.

— Вы их с чем принимаете, — сказала Зоя Прасковье, — как подаренное имущество, что ли? Чтобы не было потом удивительно. Ты табельщице покажешь или будете сами распоряжаться?

— Половину на стол, половину ящиком заберу. Глаше мы с отцом передали из весенних последнего за брёвна. Ничего больше на нас тут, кроме нашего собственного дома, слава богу, не висит. Я твою-то долю тоже записала.

Про свою долю никто раньше не спрашивал. Зоя работала в столовой уже на полной ставке и больше половины приносила домой. Ещё Тасю и Лизу обувать, Вере платить за дорогу до курсов. Отдать деньги было легко, пока это был её собственный заработок и она сама предлагала помочь.

— Я бы на свои хотела комнату снимать, — сказала она, — когда побольше научусь. Я пока здесь с вами, а что я зарабатываю, буду дома оставлять сколько могу. Вы у меня за это ничего отдавать не должны.

Мать прищурилась, словно таким образом вычислить можно было и ту часть будущего, когда младшие уже не будут ждать на дворе запаха сгоревшей каши и крика «сапоги на крыльце». Поднесла ко рту свою широкую ложку. Деревянный отросток аккуратно упёрся куда надо.

— Ох, какая удобная, — сказала.

И передала дочери. Зоя попробовала. Пальцу не мешало. Хорошая вещь, которая, может быть, останется после тебя кому-то из тех, кто сам не разбирается пока ни в чём, кроме хлебных корок под коричневой прихожей щёткой. Ей совсем не надо было, чтобы на такой ложке отец вырезал «моё навеки». Достаточно было видеть его согретую тёмным земным трудом руку и знать, что на широком сегодняшнем крыльце сам себе поставил палку под левый бок и никогда больше не сумеет в полной мере выпрямиться. И всё-таки дошёл.

У клюва маленькой жаровни на Зоин рукав легла тень. Боря стоял на другой стороне дороги, снял с головы кепку.

— Я пива не люблю, — крикнула она. — И вообще, в четверг дежурю у мамы с утра. А после четырёх я свободна. Там у пруда эти ваши певуны от дождя никуда не прячутся?

— У него собственной крыши как раз столько, чтобы на двух молодых людей она чуть-чуть протекала. Длинную ложку не забудь. Съедим мороженого в одном стакане, если не хватит на два!

До четверга оставалось пять дней. Если Борис задержится в клубе, если закроют лавку с мороженым — что ж, она посмотрит на пруд одна. Ей вдруг ужасно понравилось иметь собственный план на четверг.

Глава 3. Как слышно из пятого ряда

Приложив ухо к щели, Лиза слушала, как люди целуются в Одессе, в Крыму и в Индии. В индийской картине одинокая труба брала высокую ноту, потом начинал идти дождь. Какая на самом деле погода на экране, с улицы было не видно. В клуб без билета не пускали, а у пожарной двери, где можно было слушать совершенно бесплатно, стояли ещё трое мальчишек и дежурный сантехник.

В их местном клубе народу набралось столько, что лишний раз выйти отовсюду отказывались даже за ещё одним кульком карамельных подушечек. Со времён первых Таськиных вишнёвых пятен прошло четыре года. Ей, Лизе, в конце года шестнадцать стукнет, а запирают от неё дверцу в клубе точно так же, как прежде, в последний Берёзовский их май закрывали щеколду под вечер, чтобы младшая не наглоталась при вставании с постели дыма от чадящего горшка. Ей-то ладно, Вера уже несколько настоящих кинопрограмм сама, без страховки и руководящих указаний знакомого техника, на новых катушках поставила, а как хочешь с нею на эту тему поговорить? Она возвращается из райцентра сперва к аппарату, потом к склейкам, произносит поцелуй с «раз-два», перемену света с «три», и очень хочется выяснить, с интересом ли продолжает Вера отделываться именно перед своей малой, которая не верит в удобные взрослые объяснения. А если один раз станет просто плохо слышать такой поцелуй — что тогда?

Она подвинулась к щели ещё немного. Сперва вылез наверх длинный свисток моря, матросские шнурки стучат по корабельной мачте, потом слышно, как в большом зале кто-то громко сглатывает слюну и шепчет: «Верка, если сейчас опять порвётся, у меня точно не будет куска на края». Последний женский голос шёл сверху. Лиза подняла голову. Невидимый Борис орудовал там своими пальцами, протягивал сестре оставшуюся зажимную пластину. Он с осени обещал Зое расписаться, сейчас за март перевалило, а на самом деле их всё ещё представляли неродными людьми, когда проходили у родителей из сеней на Божий воздух вместе. Один настоящий поцелуй, между прочим, она видела у отцовой сарайной стойки. Мужчина её старшей сестры очень устало прислонился к торцу, подперев очки тыльным концом ладони, и тогда Зоя сама дотянулась до него и поцеловала осторожно в щёку, отросшая большая прядь волос упала ей в рот. Больше ничего. Он к тому же за весь вечер ни разу не сказал ничего необычайного, и никакого духового оркестра на соседской территории не было.

— Лизка, идёшь?

Прасковья Андреевна подходила по улице с закупоренным бидоном. Привычно мерный её шаг было слышно по одному-единственному звуку, изо дня в день поднимающему за собой обыкновенный будничный двор. Стук, шурк, стук, шурк. В левой туфле она покачивала ногой вправо, потом вынимала каблук из пыльного песка, и дыхание кожаной подошвы отзывалось у Лизы где-то за левым ухом. Порой ни в трамвае, ни у воды, ни в техпомещении было не разглядеть человека, а потому, как тащил за собой совком набранную землю, можно сразу узнать: дядя Миша из радиорубки. К длинной деревянной ограде прибили выкрашенную в зелёный цвет лавку чуть ниже обычной, скамейка дрожала, когда в некоторых тонких местах этого старого фильма у Веры бондарный привод стучал об ослабленную ось. Ещё подростком человек может очень хорошо слышать целым своим существом, когда рядом происходит нечто такое, что спросят потом все его несовершенные и растущие части. А самой Лизе уже тогда очень мешало понимать людей чужое убеждение, будто всех надо слушать одинаково и обеими ушами.

— Мам, если бы у тебя из колодца кто-нибудь позвал, а тебе влетит, если на том же месте когда-нибудь будут разбирать старую подстилку, ты спустилась бы, что ли?

— Чего это ты вокруг да около? Я тебе велела задержаться ровно настолько, чтобы дома к чаю уже успели поставить тарелки. Кто тебя звал?

— Никто. Я тренировалась узнавать, у кого голос летит по трубе. Удивительно, что ли? Вот в детстве когда кто-то издалека звонил, по голосу не узнавали, потому что через телефон чужие люди словно сами себя едят. Сейчас уже привыкли даже к этому. Он такой звенящий, что мне нравится местами больше, чем обыкновенный. А кто-нибудь из вашего класса когда-то обучался, как по-настоящему голос идёт?

— Обучалась одна Дуська Братеева, сейчас следит с раннего утра за тем, у кого в конце смены останется недорисованный чертёж в работе, в конструкторской конторе. У неё, впрочем, не голоса, там у неё двери и углы. Выходи из своей щели, простудишь ухо. На каменную скамейку кто ж теперь садится? Вон ещё последний клочок снега за окном под почтовой будкой. Пойдём ко мне встать на место, пока принесу вечерний подой.

Дома Аглаин кривой коммунистический цыплёнок, единственный из постоянных весенних гостей, который даже когда отмирает маленькая травка у кошачьего двора, всё никак не хочет узнавать свой собственный курятник, рылся как всегда в пыльной мелкой земле. Семён поставил у крыльца бачок для чистки рук, по обыкновению перекрыл кран опилками — чтобы, если Тасю опять застанут среди серых сумерек в прихожей с карандашами и невыученными дневными заданиями, она первым делом подбежала к этому баку, вымыла руки, не пачкала страницу. Рука к урокам мало-мальски приличного папиросного художника с мелом с утра даже немного распухает. Тасе объяснили, что сейчас самый антисанитарный момент в её занятиях, когда возвращаешься домой с пыльными ладонями. Она в ответ прицепила к умывальнику короткую причёсанную косичку с верхнего венца, из стреляющих в дырочку бронзовых щёчек должен был теперь пролиться у них такой прекрасный благовоспитанный дождь, что к вечеру у Сёмкиных братишек сами собой культурные черти явятся с ушами. У Таси в голове, хоть Лиза её могла как следует понять, была расположена, словно ветвистая яхта в прозрачной бутылке, целая сцена. Подними пробку, и вылетает сразу коробка с актёрами и половиной чужих школьных парт.

Лиза принесла с улицы доску, которая чуть отлипла от клубного забора давным-давно и никому не была нужна. Провела у ушей две параллельные меловые полоски, обозначающие дырку заложенного накрест окна. Борис сказал, если в этих местах вдвоём слушать фильм, то с заднего места обязательно будет хуже слышно голос, чем с первого, потому что стенка наружу выступает. Год в ней одной шляпок гвоздевых ушло на каждую руку по два десятка и каждую неделю некоторые доставали новыми ресницами: всё ещё норовило крыльцо, поставленное вместе с лошадью, съехать к одному боку. Следовательно, если сделать лабораторию с двумя лоскутками, одним сырым и другим сухим, от одного плёнкой отгороженным и от другого пустым воздухом, то, пожалуй, не нужно знать даже того, что за пределами маленькой стенки происходит — с другим человеком будешь иметь возможность говорить через тряпку или тонкую бумагу. И это смертельно интересно. Всем интересно ходить в клуб получать поцелуи через актёров. Ей интересно слышать, как люди обходятся вообще-то без поцелуев, а по звуку друг друга всё равно узнают.

— Запиши! — послышалось из сеней.

Сестра Вера стояла у стены, перекладывая из маленького брезентового чемодана в тряпичную сумку катушки, свободные красные коробочки, тонкую бумагу из районного ателье. На рукаве белая ниточка, в ей известных выражениях глаз как иногда случается самостоятельная и неуёмная слабость. Не стоило её сейчас утешать. Некоторые люди любому сочувственному человеку обязательно показывают спину вместо лица; страдают от этого оба одинаково сильно. Лиза могла присесть вот так рядом с тем, кто сам хочет рассказать, и ждать, пока степенно сползающая от виска к щеке по случаю тепла мягкая длинная прядь волос не даст ей

представить то прежнее лицо Веры, которое сама она видела ещё до устойчивого своего прежнего детства.

— Что записать?

— Если тебе что-нибудь нужно сейчас узнать, посмотри, пожалуйста, сколько у бани до аптеки ходу. Она сегодня до шести. Пойду, Лизок, за порошками от головы, а если мне мама покуда полезно соврёт, будто одна только сердечная надежда может унять сырую боль, то не спрашивай, кто из нас прав. Я же не каждый день у тебя мать ругаю, а ты молчишь так, будто на одних моих словах невозможно сойтись.

— Я не вполне до некоторых нот дослышала, — сказала Лиза, повернув правое ухо к сестре и не отдавая себе вполне отчёта в том, отчего поворачивается всегда той же самой стороной.

— Не до моих, надеюсь?

— Может, до твоих, может, до Борькиных.

— У Борьки с прошлого года голос тот же самый влюблённый дед, что и был, ничего с Зойкой для него тут в своей внешней истории нового не произошло, а я ни ухом, ни носом не пойму. Вот когда она соберётся с ним в свою первую собственную пятницу, тогда и позовут попить чаю. Это как огурцы: кто сам солил, тот первый зимой пробовать оттуда будет. Да где ты ходишь-то? — крикнула Вера в глубину дома, обернувшись к матери. — У меня к тебе огромное, не до конца ещё созревшее дело, но уже откладывать после еды его нельзя. Или мне всем сразу будет удобнее сказать, когда наедятся?

У столовой мать сняла с пальцев полотенце, засунула его под фартук. Нагнула голову. На минуту она показалась Лизе такой же девчонкой, какой бывала на домашней фотографии. Лиза приготовилась унести доску. Вера поймала её за локоть.

— При ней не надо, — сказала Прасковья.

— Как раз можно и при ней. Она в нашем крохотном доме даже в дальнем углу услышит. Мам, у меня будет ребёнок.

Мать поставила бидон. Казённый алюминиевый бок стукнул об деревянную скамейку, с наклонной левой стороны из-под крышки выбежала на пол крупная белая капля. Лиза, пока ждала непременной шутки от Таськи на случай младенцев в их собственном доме, слышала этот звук изнутри белого тонкого молочного пузыря и другие мелкие острые одно за другим уходящие в живот шуршания: фартук, незакреплённый конец скатерти, потом встретились на столе два расплющенных от старых ожогов материнских пальца.

— Дату знаешь?

— Знаю. Я у врача была. К январю или началу февраля.

— А отец его знает?

— Да. Мы на вокзале встретились позавчера. Получилось так. Мама, ты меня не трогай сейчас, ладно? У меня всё тело с самого утра такое, как будто чужая новая кофта прямо на голую кожу. Колется, и хочется снять. Я в порядке. Мне не страшно.

— От того, кто у нас на кухне лампу месяц назад повесил?

— От Андрея. Он к жене уехал с дочкой. Думал, что не вернётся к ним, а вернулся. Он не умер и от меня не прятался. Что я решу сама для себя, то и будет. Он это знает.

Лиза заткнула щель в бидоне пальцем. Струйка перестала течь. На стене кухни висели четыре полотенца, для каждой сестры своё. Неужели к январю придётся повесить пятое, для человека, которого они ни разу не видели?

— Я ещё хочу, — сказала Вера, — в районе летом остаться на курсах и потом вернуться в наш клуб к работе. Сколько смогу до конца года сделать. Кажется, могу. Хоть сейчас мне и хочется такого выбросить фокуса — написать на листочке «не верю» и сунуть в карман подальше. Я взрослая, а у меня ощущение, что я у тебя украла колечко с иконки и съела. Так в детстве было.

— Не украла, а во рту в щёку спрятала. Отец, помню, после дома дырку клеем заливал. А мне стоять и ничего тебе не сказать, конечно? — Мать надела на сиденье другой угол фартука, белее прежнего. — Вера, ну говори же, чего тебе надо. Если ты хочешь, чтобы я тебя не ругала, у меня тут слов мало. Чтобы ругать, их тоже мало. Надо будет отдельную тёплую комнату. Я свою кровать в зал не вытащу, она так встала, что без Семёна стену с нею расцепить никак. К врачу зачем одна ходила?

— А кого по-твоему звали?

Лиза увидела, как мать обеими руками взялась за край фартука и стала отрывать от него свисающую нитку. Долго старалась, не добилась, взяла наконец в зубы, перекусила. Именно от этого маленького неприглядного дела ей стало ясно, что мать растерялась, как девочка, которой теперь надо впервые самой одной идти за паспортом. Тася вылезла во дворе на крыльцо и изо всей своей привычной детской силы постучала в открытую ставню.

— Лиза! Ты обещала в темноте эксперимент устроить! Мы слушать-то будем?

Лиза, подумав, велела ей поднять деревянную дощечку от лавки и прыгнуть три раза в чулках в сенях сперва поближе к капустной бочке, потом у наружной двери. Следовало дать матери с Верой две-три минуты покоя. Мать взяла со стола длинную ложку, попробовала суп. Сняла с огня. Стукнули три раза детские пятки в чулках за почти полным маминым молчанием. Потом в полной, заслуженной после дневного шума тишине Вера сказала:

— Я ему хочу имя дать своё. Может, будет мальчик, может, девочка. Что я буду обязательно называть его Демидов, он тоже знает, говорил, это вроде моего колена на один размер длиннее правого. Так же ясно и понятно. Я ему любая по нраву. А с семьёй он останется там. От этого он хуже не делается.

— Кому теперь захочется в своей ложке твои дела размешивать, пусть придёт завтра к нам на столовую, — сказала Прасковья и налила ей молока прямо из бидона. — Я такой ему обед из двенадцати блюд устрою.

«У нас тринадцать с половиной», — могла бы в ответ сказать Лиза.

Глава 4. Дверь для ночной смены

В роддоме Вере дали чужую кофту. Она обрадовалась: в левом кармане лежали мягкий платок и конфета с красной полоской. В своём кармане она и спички не нашла бы. Потом стало совестно. Прошлась по палатам, показывая зашитый уголок платочка. Нашлась женщина, которая узнала и платок, и цвет карамели.

— Вы нашли мою конфету? — спросила.

— Да. Я вынула, чтобы не раздавить, а то сломалась бы об угол. Сначала совсем даже обрадовалась. Может быть, вы мою надели?

Они поменялись кофтами. Верин левый карман был прошит плохо. Платок исчез бы в первую же пробежку. Ничего ещё не исчезло из-за того, что положить туда до сегодняшнего дня у неё не нашлось какой-нибудь самой необходимой вещи. Когда принесли её собственную дочь, красноватый коротконогий человек был туго завёрнут в тряпку с чёрным казённым номером, и за эту подробность она испытывала именно благодарность. В остальном совершенно действительно своих детей ни с первого раза ни с третьего не узнаешь. Мать ей заранее говорила: «Прижмёшь — так вот твоё. Сердце подскажет». Сердце у Веры пока что разумнее гласило: неловко и жмёт слева. У девочки одна из крошечных сжатых ладоней торчала за бортом свивальника. Справилась. Удивительно стало, когда дочке понадобилось дышать с перерывом и на том месте, где заправленная ночная рубашка держала тёплый край её пелёнок у Вериного локтя, появилась щекочущая дырка. Пока дышит — всё там, у её локтя. Повторяй за ней и запомнишь.

Ольгой она назвала её ещё вчера. Андрей, совершенно обычный мужчина из портфеля арифметических формул, чертежей по присоединению предприятия к источнику тока и одного неоконченного разговора в передней незнакомого человека, хотел, чтобы дочку звали Галей. Три месяца думал в письмах о ребёнке всегда как о Галке, будто заранее отдал ей принадлежавшее ему в детстве право на то же самое: назваться довольно обыкновенно, а потом всю жизнь видеть, как люди, которых ты узнаёшь по кашлю, умудряются вызвать из этого звука твою наготу, шишку на голове, кривые резцы, новую книжку, которую хочется называть только самому себе по ночам. Она дала настоящее Ольгино имя и второе, Андреевна. «Демидова Ольга Андреевна» в первый раз выговорила вслух, когда пришла сестра записать, как заполнять обменную бумагу. Получилось. Снаружи в ясном снежном свете кто-то стукнул о стекло.

Отца отпустили с работы. Принёс тёплые носки, баночку варенья и яблоко. За окном корпуса, куда не пускали посторонних, он долго показывал Вере что-то руками. Она поняла только, что отцу ещё хочется посмотреть на внучку.

Она хорошенько вытерла лицо выданным полотенцем, подумала, как сообщит Андрею, если мама, подсчитывая на костяшках зиму до весны, снова превратит все его обещания в понятный в Волошине маленький упрёк. Матери надо было представлять родичей этих денег до последней копейки, чтобы по окончании дня закрыть глаза и знать: в каждой миске на столе под полотенцем всё ещё есть каша. Вере пока хотелось, чтобы у Ольги была её собственная тумбочка. Целую улицу прежде должна будет исходить по дворам, пока найдёт в январе работящего и не совсем ещё пропившего душу гражданина с мастерством делания полочек полукругом, которому можно отдать дощечки и попросить исполнить две маленьких разные вещи. Отец вне счёта. У него — свой дом.

— Я слышал, ты хочешь имя Ольга, — сказал он, когда её выпустили к нему на то место, где у родственников разрешено только сидеть на лавке спиной к дверям, а встречающий должен прикасаться руками к вымытому масляному подоконнику. — Есть старушки в нашем роду. Обе жили по сто лет, одна, говорят, выучила наизусть всю распорядительную церковную записку,

другая саму избу от мужиков один раз заколотила снаружи, пока они бабью курицу у неё сперечь собирались в карман. Хорошая пара.

— Ты слышал её?

— Как ты считаешь, могу я на дальнем конце взрослой больницы отличить, кто у нас из этих жалобно сморкающихся восьми детей наша родная Ольга? Я тебя в первый раз прямо ещё у матери под окном опознал.

— Вот и я думаю, сплошные вы люди знаменитые. А я своё не сразу расслышала. Можно бояться, что тебе твою же хвалят, а ты ещё на неё и не посмотрела толком.

— Я так просто сказал, что узнал, — сказал Семён Маркович. — Твоя мать родила тебя у сестры в гостях, в Берёзом Враге. Я вернулся от Журавлиной пристани только на пятый день. Узнал-то по тому, как на тебя она смотрела. Кто там меня знал, окаянного, когда самому нужна справка.

В больничном вестибюле пахло хлоркой. Олю завернули, вручили Вере. В дверях мать сунула под белый уголок у Олиной щеки головку клубничной карамельки — Зоя передала в подарок. «А есть тебе», — добавила Прасковья. Вера попробовала зубом, была ли помягче той, которую она отыскала в кармане. Такая же, хоть крошку откалывай.

Дома пахло маслом, картофельными очистками и горячим железом. Над корзиной, в которой наконец уснула Оля, оставался приёмник, и все по очереди ходили убавлять громкость. Первые двое суток Вера и сама глаз с корзины не спускала. На третьи десять минут простояла у окна. На четвёртые успела прочесть три страницы об устройстве громкоговорителя. К вечеру Борис принёс из клуба пелёнки. Зоя села возле Веры и сказала:

— Твоя задача у себя в голове меньше народу расставлять. Все спрашивают наверху, сколько денег носит с собой в чемодане инженер из другого города. Не отвечаю за тебя, пока сама не скажешь, чего сказать. А меня лично волнует другое. Если ты будешь в ночную смену детей на клубную плёнку мучить, а приходить обратно через нашу мать по старику, я уже не третью неделю, а третий год не высплюсь.

Сестра действительно устала. Можно было её пожалеть, посидеть рядом, уступить лишний кусочек котлеты. А можно было перестать будить её ночами, когда Вера приходила со смены.

— Ты прямо сейчас думаешь про кино? — спросила Вера. — Мне тут предлагают на полставки с октября, через три вечера принимаю плёнку. Я могу отговориться до первого снега. Я тебе не буду тащить Ольгу каждый вечер под руки, честное слово. Но иногда ты могла бы прийти и позволить мне сходить на работу. В каком-то месте, где оно получается, люди ведь договариваются.

— По вторникам могу от обеда до восьми. Потому что у нас столовую тогда до утра закрывают. Ольга мне нравится, Вера. Я ей оставаться с вами всей семьёй не обещала. Ей и тебе не обещала.

В дверях стукнула палкой Прасковья, заметила ещё из сеней их важный разговор и выбрала себе в этом разговоре первое свободное место.

— Кто бы меня спросил, с кем я могу сидеть по субботам, — сказала, — давно написала бы в настенном календаре, сколько стоит мне курицу сготовать на две семьи. А твой отец хочет окно вынуть с крайней комнаты. Там где окно, сделать тебе дверь. Будешь проходить с коляской с улицы. Нам в голове не шумит, наглоталась дыма — побежала по двору дышать, не вытаскивая вдогонку три поколения взволнованных родственников. Отпустим мужика, что ли, с его мудростью?

— Из зимней комнаты получится проходная. А Ольга совсем маленькая.

— Затем и спрашиваю тебя, реши. Отдельное твоё крыльцо будет. Второе. Отец уже чертил.

На обороте открытки «Привет из Борисоглебска» отец нарисовал три ступени и два полоза для коляски. Навес наклонён в сторону участка Носовой; об этом с Глашей ещё надо условиться. Он обвёл будущую дверь. Здесь можно будет повесить сумку, здесь оставить детские вещи. Здесь Вера сама решит, кого впускать.

— Мне надо самой вкопать, — сказала она.

— Столбы? — мама изумилась. — Ты столько времени без них даже до околицы пока спокойно не ходишь. Полегче найди, чего бы тебе самой.

— Лампочку. У отдельной двери нужен уличный свет. Мы с Андреем его поставим, сразу оба узнаем, к кому малютка теперь может приходить не на чужих правах и при свете дня.

Андрей приехал весной. Привёз деньги и гостинец, взялся вынести коляску до калитки и там остановился, глядя на дочку. Тася следовала за ним по двору, явно готовая подхватить Олю, едва у гостя дрогнет рукав. Андрей подставил палец, и девочка ухватила его обеими руками. Он встал совсем тихо. Семён Маркович видел это из окна.

Новое крыльцо закончили к лету. На навес пошли горбыли из отцовской мастерской. Вера нашла в клубе списанный фонарь с зелёным боком, и Семён с Борисом протянули к нему провод. Теперь, возвращаясь после второй смены, она с улицы видела свою дверь. Оля за ней спала. Иногда под старость Вера вспоминала минуты, когда стояла на этих трёх ступеньках, искала в кармане ключ и старалась не звякнуть кольцом о замок.

Глава 5. Три рубля свои

До своей свадьбы Зоя знала два способа испортить хороший стол: подать остывшие котлеты и посадить Мишку Замшина рядом с тёткой Шурой. Теперь нашёлся ещё третий. За неделю до росписи она пообещала сделать всё сама.

— Извини, — сказала она Борису. — Ты женился на дуре. Есть ещё время передумать.

Они стояли посреди комнаты у его сестры. Ковер, временно снятый с гвоздей для стирки, лежал поперёк комнаты гладким рулоном. У чересчур просторной кровати два кривых стула смотрели друг на друга. Жених смотрел на невесту. На левой руке у жениха лежал кухонный противень с тридцатью двумя капустными пирожками, к каждому в конце выпечки аккуратно прилепили по гребешку.

— Я на тебя потратил шесть лет, — сказал он. — Ты бы повременила ещё часок. Пускай уже допекутся.

— Кого звать, чтобы мою свадьбу обслужили? Маму? Мы с ней вместе на работе эту свадьбу и придумали. Вера ночью до дому едва ползёт, у них новую привезли установку. Лиза в субботу едет в чертёжную, а Таське едва в пятнадцать лет можно доверить хоть из банки в тарелку что-нибудь переложить.

— Погоди, почему именно Лизка? У меня что, сестра померла? Галя! — Он поднял голос.

За шкафом возилась Галя, сестра Бориса. Наконец просунула в дверь красное от жары лицо, вытерла лоб подолом зелёного рабочего фартука.

— Чего, Борь?

— На три или четыре часа в субботу ты можешь при нас в зале на кухне побыть? Подавать за стол жениху-невесте дурацки сочинённые их руками сами по себе благородные пирожки и всё, прочее которое съедят? После их бурного употребления тоже надо будет сложить тарелки в одну полную корзину и если не мыть их самой, так вынести к крыльцу и подождать, чтобы мы тебя туда догнали.

— Зачем ждать? Тут Марина. Она завтра вносит за Кольку деньги в рассрочку, мне взаймы шла просить, а с меня по этим своим рассрочкам взять уже нечего. Говорить надо только просто. Дай человеку работу за три рубля, и уже можно ждать его к двенадцати хоть с белым полотенцем, хоть с собственным голосом, которым будет петь по твоему приказу. Бесплатно у нас, милые мои, я сама по субботам сплю.

Борис повернулся к невесте. Никто их не заставлял каждую субботу кормить весь дом. Если они теперь откажутся, что произойдёт? Галя два дня поворчит, мать самое большее неделю. Сначала Зое и Борису предстояло дождаться друг друга вечером. Зоя сняла фартук.

— Дай-ка я сама поговорю с Мариной.

Марина встретила первых гостей хлебом-солью и сразу распорядилась, куда девать подарки. На кухню велела приходить только с чистой тарелкой. Там поставили два столовских стола, застелив по красному листу линолеума. Когда одна скамья подломилась, Марина даже не вскрикнула: упёрлась в стол босой ногой, пока мужчины подсунули под скамью ящик. У Зои дёрнулось в щеке. Вскочить хотелось ей, а уладила всё другая.

Мать в чёрном сарафане с шариками пуговиц сидела в первом ряду у самой Зои. Семён Маркович на другом конце ел свою загодя нарезанную ветчину, время от времени наклонялся к киномеханику и вместе шептались. Свадебный стол получился из четырёх маленьких одновысоких рабочих, одолженных у профсоюзного сторожа. В середине пошла развесная колбаса, слева — рыбка, на ней желточное солнышко на подложенной зелени и четыре дрожавших красным селёдочных хвоста. Была у Зои её собственная гордость: можно так поставить на стол обыкновенную, в дешёвой серой кадочке первый раз приехавшую в Волошино селёдку, и именинный торт многим покажется лишним. Торт, однако, сам приехал и своим видом тронул её

сильнее подаренного будущими родственниками одного на двоих набора рубчатых огнеупорных стаканов. Вылез из-за краешка обёртки маленький деревянный ковшик. Подарок сделала Таська. Вышел не ковшик — скорей большая ложка. Младшая сама вынула из него сиреневый пар из ваты, показала на донышке вдавленную карандашиком надпись «Твоей сестре Зое». Которой? Надо было бы «От сестры Зое». Переделывать Тася не стала. Ей понравилось перепутать их местами, и на что внизу у Зои от этого ковшика встали такие свежие слезливые смешинки и так много хорошего, за одну всю другую ложку не выпросишь.

У тётки Шуры язык не успевал за мыслями. Просила добавки, расспрашивала женихову родню и одновременно угадывала по свечкам, крошкам, приметам, сколько будет у молодых мальчиков и девочек. Зое захотелось попробовать надеть её плоскую бисерную серьгу. Подложить бы под ухо хоть какое прикрытие.

— А твоя теперь здесь останется? Или в новую квартиру? — спросила она, наклонившись через мать прямо к Зое. — У нас кто при матушке будет, вот я о чём. Таси себя не дали в дом впускать, пока Машка мать ихняя соседку лечить после железнодорожного происшествия возила. Прямо из школы в кулисы пошла. Вера свою жизнь устроила, дом у неё, как ни крути, крыльцо — сама себе хозяйка. Лиза, говорили, рвётся на отделку, так это всё ещё которые будут долгие месяцы, пока кому-то начнут в чёрной конторе платить. Двумя хозяйкам в дворе ладить не полагается, я тоже много где имела возможность повидать. А у вас, Семён, полновесные четыре. Кто по правде-то останется?

Мать не ответила сразу, и этот её отложенный молчаливый ответ на свой первый в замужестве вопрос Зоя помнила потом дольше всех поданных на стол сладостей. Прасковья Андреевна дождалась сперва, пока Марина дойдёт до них с двумя чистыми чашечками и наполненным колотым сахаром вместительным блюдцем. Тихо поблагодарила. Потом повернулась к тёте Шуре и сказала:

— Дети с нами домой не выдаются замуж, Шурочка. У нас вон крошечная Олька, старуха Глаша, я с отцом да младшие. Даже чтобы на все эти руки по одной большой малине нацепить, нужно ягоду двадцать минут собирать. Всё у меня хорошо. Зоя у себя в новом доме, у них дают подходящую комнатку от клуба. Кто там будет на зиму топить, уже обговорено.

— Если у тебя есть своя комната, — сказала тётка Зое, — так за ней ещё настоящего дела нет никакого. Кто готовить будет и детей встречать?

— Когда будут, тогда узнаем, — сказала Зоя.

— Такое дело лучше заранее попробовать выяснить.

Марина двинула голубое блюдо, и тёткины слова потонули в грохоте. Ещё бы рубль ей прибавить за такое умение прерывать родственников, подумала Зоя. Но у неё оставался последний, на чулки. Жених нашёл её руку под скатертью.

В углу у окна Вера подняла дочку, говорила с нею, улыбалась так естественно, точно никогда ничего больше по собственной взрослой сердечной части не боялась. Её дочь Ольга мало напоминала счастью рождённого ребёнка с нарисованной на поздравительной открытке картинки: нос покраснел от салфетки, яичную половинку успели сначала откусить, потом отдать на накладную скобку у маминой сумочки. Лиза за одной из свадебных картонок рисовала без всякой тетради довольно точный план своих окон. Отец разделся, вытер лысую макушку и потянулся за аккордеоном. Струнный, который обычно у Бориса в клубе при стене всё время дрался не по работе, на этот раз принёс исправный настоящий инструмент. Семён сперва поклонился через середину зала Прасковье.

— Выходи ко мне. Двадцать пять лет не танцевали, и ещё двадцать я ждать на своём одном здоровом не могу.

Прасковья поднялась. Захлопали. Муж приложил к её спине широкую, выцветшую на разных рабочих выездах ладонь. Долго устраивал свою неподъёмную ногу, не решался полностью ступить. Мама обхватила его повыше привычного, под самыми плечами, и принялась

переминаться одна за двоих, в то время как Семён стоял на месте, лишь переставлял другую ногу так, словно рисовал между ними одним каблуком длинные и короткие чёрточки. Зое очень хотелось повернуться к Марине и сказать: «Вот видишь, у меня из-за этих двух людей на кухне некому свадьбу приготовить. Вот они какие, мои оба». Одна большая горьковатая капля всё-таки скатилась у самого уха. Прозвенели ложки, молодой ямщик с комбинированным инструментом в руке перекрыл весёлое лясканье двери и начал петь, как иногда в деревнях начинают — ждать чьего-то разрешения не надо, просто говорят первая строка песни, а дальше сами увидите, кто на этой ноте захочет идти рядом.

В своей новой комнате они собрались ближе к темноте. Было ещё не до конца жаркое лето, небо в окне задержало напоследок малиновую полоску, у порога утрамбована круглая длинная верёвка: жена прежнего хозяина каждую семейную субботу чистила о неё городские нарядные туфли. Теперь свой кусок можно бы постелить вплотную к чужому, вытащить три гвоздя забытой вешалки, дать на сутках привыкнуть к новым своим тяжестям стенам, а потом открыто уже тут жить. Навсегда? Люди всегда так говорят, когда не знают, сможет ли вечером у мужчины без особой причины сильно и долго гореть спина и как его тогда от расстройства беречь. Зоя вслушалась. Под скудной штукатуркой звенели тарелки. В соседней небольшой комнатушке другая семья, столь же реальная и прожившая в квартире дольше, укладывала ребёнка в кровать. «Водички». — «После». — «Сейчас хочу». Не к ней. Хорошо.

— Начнём с одного, — сказала Зоя. — За день на свадьбу три рубля за работу, получилось? Получилось. Когда-нибудь, если станет нужно у нас принимать много людей и самим во время этого приёма остаться собой, придётся опять такие три выложить.

— Я понял, — сказал Борис. — А я сегодня хотел тебя увидеть. С самого утра. Толком как следует. Не за тарелкой. А сейчас тут темно.

Борис зажёг спичку. Зоя дёрнула за край его рубахи. Пусть наклонится, она хочет с ним поцеловаться. Потом в полутьме разбирали свадебные сумки, раз за разом сталкиваясь в тесной комнате. Нашли счёт за две бутылки и мамино полотенце с белыми полосками. На одном краю вышито «Зоя», на другом — «Борис». Мать даже не спросила, какую фамилию дочь выбрала при росписи.

Глава 6. Красная рейсшина

Прежде Лиза думала, что поворачивает голову от непрерывного гула в ткацком цехе. Но в тихой комнате она тоже слышала лучше, когда собеседник сидел справа. В мае шестьдесят восьмого Лена Щеглова рассказала что-то на скамейке у проходной. Остальные рассмеялись. Лиза подняла голову от своего плана и тоже улыбнулась. Лена резко сказала:

— Ты чего? У меня кот помер. А про него сосед, дуралей, спросил, совсем ли хоронить собрались, не постоит ли дня два в погребке. Можешь не смеяться. Мне восемь лет с ним.

Если бы ей объясняли трудные правила работы, да в цехе громыхало — ещё как-то можно было свалить на то, что начальник сегодня имеет хриплый голос и с проходной опять-то веник забыли вернуть в подсобку. А рядом девчонка, которой плохо, и без улыбки нельзя было прямо в эти десять каких-нибудь секунд ей ответить, что она тебе небезразлична. Лиза аккуратно положила карандаш на стол, повернула ей правое ухо и спросила ещё раз. Расслышала. В левой половине головы стоял пустой ветер, не подлетали ни слоги, ни тот короткий звук, который слышно, если человек убирает яблочную мякоть в угол губ, чтобы не уронить её на пол.

— Я очень давно твоего Ваську знала, — сказала. — Пожалела бы. У тебя нужна коробка посуше?

— Уже в саду под малиной. Зря я на тебя накричала.

— Ничего, — сказала Лиза. Вечером села на автобус и съездила в районную поликлинику. То был её первый по-настоящему одиночный медицинский поступок. Мысль, что врач на приёме обязательно скажет «надо было раньше», была всего лишь первой частью её большой всерьёз не оправдавшейся, вполне детской обиды на тело, в котором оказалась она одна среди других благополучно слышащих родственников. Толку, ведь год и тремя днями раньше именно этот человек с картинкой человеческой улитки над стулом сидел бы и говорил бы ей: «Так, здесь. А здесь?» Это ещё и очень интересное всякое дело, если с профессиональной стороны посмотреть, каким образом от большого деревянного корпуса перепончатой своими устройствами раковины (не той, которую слышишь в море в купе поезда, а той, что носишь под самой своей рёберной головной кожей) переходит сигнал туда, в хорошо упрятанную глубину. Именно тут, впрочем, она предпочла бы не быть никаким подопытным. Нормальная девушка, двадцать три года. Пошла жаловаться на ухо сама, потому что смеялась, когда хоронили Васеньку.

— Вы говорите просто, — попросила, когда дошла её очередь. — У меня слышит одно или оба?

Доктор вымыл руки, потянул за маленькую железную защёлку ящик, положил на ледяную по цвету скатерть специальную плоскую двухзубую вилку, будто удобно с такой вилки есть вареники напополам.

— Слышат оба, — сказал он. — Но слева слабее, некоторые звуки теряются. Проверим подробнее. С этим дозволено работать, только ткацкий шум день за днём, если можно, вы бы оставили другому. И не стесняйтесь, говорите прямо, что вам надо повторить. В повседневной жизни, в автобусе, в компании; вы можете попросить собеседника, чтобы стоял лицом. В больнице вас кто-нибудь сопровождает?

— А это обязательно?

— Нет, — сказал он. — Я подумал про дело. Шепнуть из дверей, что пора отпустить следующих, можно и самому. А вы запишете, что спросить у коллеги.

«Если можно, вы бы оставили другому». Три с половиной года она чертила людям проходные выкарманки и проверяла табель в ткацком цехе. Запах горячего мыла от каждой полосы хлопка, которую в конце рабочих суток нужно провести через промывную, идёт из каменных окон, выедает ей глаза. Бумаги на столе двигаются от тяжёлых ног тех, кто толкает ящики к

нужному концу. Из десяти девушек на первом проходе восемь гордятся, что местный клуб ничем не помешал им купить цветной заграничный платок на эти трудовые; ещё две умудрились получить назначение техником в хороший цех, где не нужно кричать целую смену через два ряда стеллажей. Ей что, везло с этим местом до запятой. Из деревни переехала на готовую посёлковую землю, пятнадцать лет держала бы под руку отца, если понадобилось, вышла в люди помощницей табельщицы, располагает порой чужими ставками и отчётами; живя в таком городе, не следует вообще желать большего. А ей очень давно хотелось на чертёжное обучение. Не те мелкие изменения, которые мастер вырезает квадратом из газеты, подсовывает ей в ящичек и просит: «Нарисуй-ка это завтра аккуратно». Настоящие планы, по которым люди приходят и строят двери, знают, на какой крючок можно будет держать тяжёлый двойной конец утеплённого занавеса в зале, от какой стены отражённый звук вернётся к пятому ряду и каким в половине восьмого на заднем ряду услышат отцовский кашель. С проектной мастерской Дуся Братеева, давно не та Дуська с носовым кольцом в клетчатой шляпе, которую помнит мать, договорилась полтора месяца назад взять Лизу на обучение по вечерам. Разве это можно провезти впустую?

— Там у вас в кабинете, — сказала Лиза, — предполагалось написать, какая работа возможна. Мне для личного пользования. Напишите.

Доктор написал, сложил выписку в старый конверт с красной полосой. Лиза успела на обратный автобус. Села так, чтобы кондукторше не приходилось звать её со спины, и на глаз прикинула, сколько времени остаётся на уверенный ответ домашним.

В Волошине отец сидел на втором крыльце. Свет из стороны кривой стеклянной клумбы, под которой в таявшей земле уже с неурочным старанием копалась маленькая Ольга, падал к нему на рабочую свободную ладонь. В руках самодельная рамка. На неё Оля попросила натянуть бумажку и сделать им колдовское стекло: смотришь один раз — всё коричневое, смотришь второй — оказывается, жил-был на земле зелёный конь с совсем ненастоящим шуршащим из папоротниковых мелких ног хвостом. За эту рассказицу тут теперь многое делали просто потому, что не знали, где умеет вечно приходящая новизна таких особенных вопросов ближе всего сидеть к подрастающей молодости рода.

— Поездка была хорошая? — спросил отец, увидев Лизу у ворот. — У тебя лицо какой-то сметаной перемазали.

— Ухо, — сказала она. — Врачу показала. Слева слышу плохо. Хочу у Братеевой на курсы учиться, мастер охотно, она сама писала, что если днями могу куда-нибудь перейти, к ней черчение на вечер по осени откроется.

— Тебе пи-письмо, кстати.

Запнулся он так рано и не на чужом имени, что она сразу поняла: про её письмо знают во дворе уже все. Ольга продолжала копать; удостоверилась каким-то своим способом, что взрослые могут вполне спокойно отправляться на обед без её порции помощи, и тихонько поползла в сторону собачьей конуры. Отец держался за рамку. У матери на коричневой шерстяной кофте висели разноцветные нитки. С утра пришивала кому-то заплатку, едва ли именно им одним дома заклеивала дыры.

— Приходи в дом, — сказала Прасковья. — Чаю поставлю, поговорим. Не делай, Лиза, своей этой знаменитой городской физиономии. Умею я и сама понять, что из дальнего дома на вечернее ходить да потом брести две остановки для тебя небезопасно. А учиться ещё тому три года, чтобы получать в конторе какие-то лишние гроши. Я вовсе тебе за твой старый цех ничего не говорю. Истопнице у детской, бывает, ни жарко, ни холодно, уходит в три. Тут ближе и работа у всех на глазах.

Мать вела её через старое первое крыльцо, которое сестра младшая за эти годы обозвала «конское». К облезлому синему орнаменту ограды под его крышей прибавилась зелёная макушка — младшие уже три зимы подряд водружали новые дощечки, и получился у старой

трёхногой лошади изумительный русский хохол. Зима у Волошина переменная, всё время — то сыро у клубного магазина, то на неделю промёрзнут все комнатные краны и каждая прожорливая мышь поселяется вместе с семьёй в корзине от старого лука. Весной через это крыльцо Носова носила им золу для огородных нужд. Рамы в окно, под которым училась писать Лиза, ведя с другой стороны ртом контур слова «младшая», за годы никто не менял. За тем же столом, где она первый раз выучила свою подпись, лежал раскрытый конверт. Край заклеен мучным мякишем.

— Что ты с ним сделала? — спросила Лиза.

— Я прочла. Тебя три дня не было, и я прочла. Не любишь, чтобы я о тебе беспокоилась без ответа, не пропадай вечером. Там спрашивали, придёшь ли ты на собеседование на ступень техников. Приходить надо было вчера. Я Дусе телефоном сказала, что ты всё равно ещё не решалась. У вас за такие дела по телефону можно было ответить и сказать, мы сами придём в свой день, она объяснила, что без тебя пока ничего больше не решит.

— Вчера, — сказала Лиза и села на стул.

— Я хочу, чтобы ты сама посмотрела, для чего люди тебя зовут. Дусю знаешь. Она нас в девках, как потребовалось, из клуба обходными путями без билета собирала, тогда, помнишь, у них крыша не ладилась над сценой и наша большая Груня в воскресенье на голову поймала два квадратных ладони холодной дождевой. Их сейчас там трое даже после тридцати с тетрадками сидят, и то взять не всех на настоящий лист могут. Да уж, в очередь за такой работой!.. А тут знакомые, мать рядом, если что случится.

Мать и в самом деле ходила к Братеевой, всё уже успели выяснить, только обратное нельзя было вернуть: Дусины глаза видели, как мать большой работающей девушки на пороге, вместо её собственного ответа, просит другого человека подождать и ещё раз дать время дочери принять вполне обыкновенную домашнюю безопасность. Глуховатой девушке в чужой вечерней конторе может быть не по себе, могут смеяться, могут однажды забыть предупредить о пожарной тревоге. Можно так сильно бояться за своих детей, что вместо этой их молодой полноценной работы устраиваешь им самому привязать на ногу собственную нитку. Лиза рванула бумагу у края, зашуршали посконные глухие возражения. В конверте лежал названный час и отдельная одна строчка: «Испытание дочертить узел перегородки. Захвати свои карандаши и хватку».

— Мне не нужно, чтобы ты меня караулила, — сказала Лиза. — Мне нужно, чтобы ты отдала моё письмо и телефонную квитанцию на деньги, если я сейчас успею дозвониться и объяснить человеку, что я, Лиза Демидова, как ни странно, ещё сама жива. Девчонок из рабочего помещения сразу взяли на вспомогательный набор, а я должна сказать, будто подожду до того времени, пока удастся тебе перестать бояться. Мама, ты смерти от колючки в траве всё ещё боишься, она под твою дату не сумеет подстроиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.